

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Марис Лиэпа принадлежит к числу крупнейших представителей современной хореографии. В его танце привлекают проникновенная одухотворенность, высокая техника. Искусство Лиэпы получило широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сегодня Марис Лиэпа отвечает на наши вопросы.

— Марис Эдуардович, за что вы любите искусство балета?

— Балет — подлинный праздник искусства, объединяющий в себе музыку, живопись, графику, скульптуру, танец, драматическую игру. В нем очень важен труд как слагаемое вдохновения, ведь большое искусство требует напряжения всех сил.

— Ваш репертуар очень разнообразен. Но какие из ваших партий вам особенно дороги?

— Ответить на этот вопрос я не могу. Это все равно, что сказать, кого из своих детей любишь больше... Однако за последнее время репертуар сложился так, что чаще других партий я танцую Красса в «Спартаке» и Альберга в «Жизели». Огромную творческую радость испытал в работе над образом Каренина в балете «Анна Каренина». Из других ролей надо вспомнить прежде всего Ромео в «Ромео и Джульетте» и Оношу в «Видении розы».

— Балет Фокина «Видение розы», который вы возобновили на сцене Большого театра, принес вам успех как балетмейстеру.

— Успех не мой, а гения Фокина. Тем не менее восстановить оригинальный почерк такого хореографа, как Фокин, труднее, чем поставить что-либо свое. Надо было изучить всевозможные варианты постановки, сделанные самим Фокиным, ибо балетмейстер в разных странах и труппах вносил в балет частичные изменения, связанные, очевидно, с индивиду-

альностью того или иного актера. Основная моя задача состояла в том, чтобы на родине автора и первых исполнителей этого шедевра романтического балета — Карсавиной и Нижинского — жил единственный в своем роде оригинал, а не его копия или подделка. И я счастлив, что самые строгие критики моей работы — родственники Фокина и люди, близко его знавшие, подтвердили, что балет восстановлен с правильным ощущением стиля балетмейстера и с учетом тех изменений, которых требовали время и прогресс хореографии вообще.

— В Театре имени Евг. Вахтангова вы выступили также в роли балетмейстера, поставив к шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра» танцы и пластические сцены. Как возникает ваше сотрудничество с драматическим театром?

— По-разному. Так, в свое время режиссер Е. Еланская предложила мне поставить к спектаклям «Письма на юг» и «Бедные люди» пластические и танцевальные сцены. Я не хочу называть это хореографией, так как в драматическом театре это ближе к пластическим этюдам. Так вот, в этих спектаклях было поставлено несколько номеров, а в «Бедных людях» — даже небольшой балет «Сатир и нимфа»...

«Антоний и Клеопатра» — одна из последних моих работ. Опять нельзя сказать, что это танцы, скорее, пластические сцены. Например, сцена вакханалии в лагере Цезаря, пиру Антония. Мне было чрезвычайно интересно работать с такими выдающимися актерами, как Юлия Борисова, Михаил Ульянов, Василий Лановой...

Привлекает меня и работа в кино. Не считая фильмов-балетов, я снялся в двух картинах, где исполняю драматические роли. Это «Могила Льва» и «Четвертый».

Беседу вел
А. НИКОЛАЕВ.

7 мая
1977
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА